

УДК 94(517)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-26-32

НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ МОНГОЛОВЕДА ВЛАДИСЛАВА КОТВИЧА С БУРЯТСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

© **Агата Барея-Стажиньска**

доктор гуманитарных наук,

Варшавский университет

Польша, г. Варшава

E-mail: agata.bareja@ee.pw.edu.pl

Профессор В. Л. Котвич в качестве наставника направлял молодых ученых для полевых исследований в регионы, населенные монголами, бурятами и калмыками. Среди учеников В. Л. Котвича были в дальнейшем известные бурятские ученые и общественные деятели: Ц. Жамцарано, Б. Барадийн, Э.-Д. Ринчино, Б. Вампилон. Известно, что ученые, изучающие определенный этнос и их культуру, часто сочувствуют представителям изучаемых народов и даже участвуют в различных мероприятиях, становясь «ангажированными исследователями» (Engl. „engaged scholar”). В этом отношении контакты Владислава Котвича с бурятами можно разделить на два основных этапа: Октябрьская революция 1917 г. и период после нее.

Ключевые слова: монголоведение; В. Л. Котвич; монгольские народы; А. Доржиев; Ц. Жамцарано.

SCIENTIFIC CONTACTS OF PROFESSOR WLADISLAW KOTWICZ WITH BURYAT RESEARCHERS

Agatha Bareya-Stazhynska

Doctor of Humanities,

Warsaw University

Warsaw, Poland

E-mail: agata.bareja@ee.pw.edu.pl

The article is a continuation of the speech of Jerzy Tulisov, who briefly presented information on the contacts of Wladislaw Kotwicz (1872–1944) with Buryat scientists. The article based on the materials of the Science Archive of Polish Academy of Sciences and Polish Academy of Skills (Krakow) reveals the mentor's role of Professor W. L. Kotwicz, who sent young scientists for field research to the regions, populated by Mongols, Buryats and Kalmyks. Well-known Buryat scientists and public figures Ts. Zhamtsarano, B. Baradiyin, E.-D. Rinchino, B. Vampilon Among were W. L. Kotwicz's students. It is known that scientists studying a particular ethnic group and its culture often sympathize with the representatives of the peoples studied and even participate in various activities, becoming "engaged scholars". In this regard, Wladislaw Kotwicz's contacts with the Buryats can be divided into two main stages: the October Revolution of 1917 and the period after it.

Keywords: Mongolian studies; W. L. Kotwicz; the Mongolian peoples; A. Dorzhiev; Ts. Zhamtsarano.

Профессор Владислав Котвич, как и большинство ученых-монголистов, имел многочисленные контакты с представителями монгольского мира. Сохранились

протоколы заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [1, с. XXXI; 2; 3; 15], свидетельствующие о том, что В. Котвич ходатайствовал о выплате пособий для командированных на Восток Ц. Жамцарано, Б. Барадийна, Э.-Д. Ринчино, В. А. Михайлова, Б. Е. Петри и Б. Вампилуна, в том числе на территорию современной Бурятии, или для обработки собранных там материалов [1, XXXI–XLVIII]. Благодаря лекциям по монгольскому языку в университете Санкт-Петербурга, а также по калмыцкому и маньчжурскому языкам и литературе он встречался со студентами бурятского происхождения [2; 3; 4]. Даже если они не были слушателями курсов по востоковедению, они поддерживали связь с профессором Котвичем, например Элбэг-Доржи Ринчино. Некоторые из них получали поддержку профессора в своих проектах. Об интересе к изучению и преподаванию бурятского языка свидетельствует сохранившееся наследие профессора Котвича — его фонд в архиве науки Польской академии наук и Польской академии умений: объявление о выступлении Жамцарано в 1907 г. или монгольские программы в университете Санкт-Петербурга, в которые включалось изучение монгольских диалектов, в том числе и бурятского¹. Кроме того, работа Владислава Котвича в министерстве финансов также приводила к контактам с бурятами и способствовала деятельности, связанной с регионами проживания бурят.

В конце XIX и в начале XX в. буряты не только стали одной из наиболее образованных народностей царской России, но и все больше осознавали свою этническую самобытность. Одним из важнейших его элементов был бурятский язык и письменность. На протяжении веков буряты, как и монголы Внешней (Халхи) и Внутренней Монголии, использовали классическую монгольскую письменность. Она не передавала фонетику ни одного из монгольских диалектов, поэтому служила общей платформой, объединяющим элементом всех монголов. Следует отметить, что буряты не были однородной группой (лингвистической, по причине диалектальных различий; конфессиональной: буддизм, шаманизм, православие и т. д.), поэтому внутренние разделения оказали влияние на концепции записи языка. Кроме монгольской письменности в 1905 г. появляется «новый алфавит», названный «письмом Вагиндра»² — от монашеского имени его создателя, бурятского буддийского деятеля Агвана Доржиева³ (1854–1938).

Стоит отметить многолетнее знакомство Владислава Котвича с Агваном Доржиевым [4]. Агван Доржиев был известной фигурой — посланник тибетского Далай-ламы царю России, посредник в российско-тибетских дипломатических отношениях и, более того, человек, обвиняемый в шпионаже против Великобритании. Он получил образование в Тибете и титул хамбо-ламы. Агван Доржиев верил в возможность тибетско-российского союза и поддержки монголам со сто-

¹ Архив науки ПАН и ПАУ. Ф. В. Л. Котвича. К III-19. № 147.

² На санскрите *вагиндра* относится к первой части религиозного имени Агвана Доржиева — Агван, Тиб. Ngag dbang. Буквально означает «Господь речи», а также является эпитетом бодхисаттвы Манджушри, эманацией мудрости. Свою биографию в Монголии Агван Доржиев также подписал именем Вагиндра, см. [4].

³ Отметим, что в Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Vagindra_script) указана ошибочная таблица знаков алфавита, например знаки для *и* и *п*.

роны России. Он побывал в Западной Европе (Франция, Италия, Германия, Великобритания), а также во многих азиатских странах (Монголия, Индия, Китай, Япония, Цейлон). Автобиографии, написанные на монгольском и тибетском языках, показывают только самые важные факты о жизни бурятского священнослужителя и политика. Письма Агвана Доржиева к Котвичу, хранящиеся в Архиве науки ПАН и ПАУ в Кракове, свидетельствуют об их большой близости, хотя они показывают лишь фрагменты, наверное, более богатой переписки.

Неизвестно, когда произошло знакомство Владислава Котвича и Агвана Доржиева, который приехал в Санкт-Петербург в 1898 г. с намерением создать буддийский храм. Благодаря знакомству с князем Ухтомским, любителем Востока, бурятский лама вскоре был представлен царю, что облегчило его дальнейшие контакты с русскими политиками и иными влиятельными кругами. Он также встретил ученых-востоковедов, которые часто сочувствовали идеям буддизма. С 1905 г. он поселился в Петербурге¹.

Возвращаясь к вопросу о бурятском алфавите, следует отметить, что, по сравнению с классическим монгольским алфавитом, было введено много диакритических знаков, которые устраняют полифонию и учитывают реальное произношение (например, длинные гласные). Кроме того, были исключены три разных варианта записи одного и того же звука в зависимости от его положения в слове, что облегчало изучение букв. Также были введены знаки, позволяющие записывать русские слова, в том числе, например, смягчение, что было важно в контексте русских заимствований в бурятских диалектах, а также двуязычной ситуации бурят. В своем исследовании Д. Кара указывает на Цыбена Жамцарано как на человека, поддерживающего Агвана Доржиева в создании новой письменности [6]: в рукописи Жамцарано о новом алфавите, датированной 31 октября 1905 г. (рукопись хранится в Санкт-Петербурге в фонде Жамцарано) есть запись: «мы [Агван Дорджеев и я] создали...» [7]. Легко заметить, что в вагиндре используются приемы, известные из «ясного письма» ойратского Зая Пандиты, которое использовалось западными монголами, включая калмыков. В 1915 г. в Петербурге благодаря работам Л. Нармаева и Номто Очирова под руководством Владислава Котвича была создана улучшенная версия этого (ойратского) алфавита [8]. Тем не менее нет никаких свидетельств возможного вклада Владислава Котвича в создание вагиндры. Можно предположить, что знающие профессора Агван Доржиев и Цыбен Жамцарано могли консультироваться с ним по некоторым вопросам. В вышеупомянутых автобиографиях Агвана Доржиева нет упоминания о создании алфавита.

Алфавит вагиндра был распространен в публикациях издательства «Наран», основанного Агваном Доржиевым. В редакционном совете числились Цыбен Жамцарано, Б. Д. Очиров, Андрей Д. Руднев и Владислав Л. Котвич. Об участии Котвича в этом проекте свидетельствуют документы из Архива науки ПАН и ПАУ

¹ Санкт-Петербургский дацан / The Saint-Petersburg datsan. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 9.

в Кракове¹ и несколько публикаций издательства «Наран» в его коллекции, сохранившейся до наших дней в Варшавском университете. Известно, что Ринчино и Амагаев, учитель из деревни Бохан [12]², стали участвовать в распространении алфавита вагиндры после 1908 г. Ринчино под псевдонимом Аламжи Мэргэн опубликовал в 1911 г. образцы народной поэзии бурят³.

Через несколько лет Агван Доржиев перестал работать над распространением алфавита. Возможно, причиной были затруднения в его массовом распространении (за основу был выбран не конкретный диалект, а довольно произвольная комбинация диалектов), получении средств на публикации, строительство храма самим автором, а также разногласия между самими бурятами, является ли созданное новое письмо подходящим средством коммуникации. В то же время началось использование кириллицы и латинского алфавита. Некоторые исследователи также указывают на возможное участие Российского государства в предотвращении распространения алфавита [5]⁴.

Что касается контактов Агвана Доржиева и Владислава Котвича, то стоит упомянуть, что именно лама попросил Котвича⁵ помочь монгольской секретной дипломатической миссии, когда она появилась в России в 1911 г., чтобы поддержать идею освобождения Монголии от маньчжурского правления. По-видимому, Владислав Котвич знал о важности этой миссии, потому что он немедленно отреагировал и оказал помощь монгольским посланникам в качестве переводчика делегации, а также организовал необходимые встречи благодаря своим связям со времен работы в министерстве финансов. Если он отреагировал на короткую записку хамбо-ламы, это означает, что их контакты были достаточно близкими, а подробного объяснения этого вопроса не требовалось.

Деятельность Владислава Котвича на благо монголов в России, в том числе в первую очередь бурят и калмыков, видна на примере строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге в Старой Деревне на ул. Благовещенская, 15. Проект хотя первоначально был принят царем в 1900 г. и окончательно одобрен в 1909 г., не вызвал симпатий некоторых россиян, вызвал много споров и даже угроз со стороны

¹ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 160: Протоколы издательства «Наран» с 1907 г., рядом с Владиславом Котвичем указываются имена Ц. Жамцарано, Б. Д. Очирова и А. Д. Руднева, а также список публикаций издательства «Наран» в алфавите Вагиндры. Бато-Далай Очиров (1875–1913) бурятский общественный и полит. деятель, один из основателей О-ва просвещения бурят (1909), пред. съезда рус. крестьян и бурят в Чите (1911) [9]. Скончался в 1913 г. Его смерть тоже могла повлиять на прекращение распространения алфавита.

² Копию этой публикации можно найти в Библиотеке монголистики и тибетологии факультета востоковедения Варшавского университета.

³ Аламжи Мэргэн во втором выпуске «Сборника монголо-бурятской народной поэзии» в 1911 г.

⁴ Интересно, что после 1910 г., когда Жамцарано был отправлен в Монголию, деятельность по продвижению письма вагиндры практически прекратилась [5, с. 84, сноски 20].

⁵ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 241, письмо 13.08.1911 Агвана Доржиева Котвичу.

консервативных православных кругов¹. Некоторые востоковеды с протибетскими либеральными взглядами и симпатиями решительно поддерживали строительство. Котвич также хорошо понимал духовную потребность буддистов, в основном бурят и калмыков, иметь собственный храм в столице. Он был членом комитета по строительству храма² и активно поддерживал необходимую работу.

Деятельность Котвича в этой области подтверждается перепиской с Агваном Доржиевым с 1912 г. и фотографиями, хранящимися в наследии В. Котвича в Архиве науки в Кракове. Как и в случае других писем, есть краткое сообщение по важным вопросам, таким как получение адекватной финансовой поддержки для продолжения строительства храма³. В архиве представлены фотографии, на которых показаны этапы строительства здания и обустройства его интерьера⁴. Первые религиозные церемонии состоялись 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия Дома Романовых [14, с. 69], а торжественное открытие состоялось в 1915 г.

Известно также участие Владислава Котвича с 1914 г. в качестве члена комитета Забайкальских бурят (КЗБ), в том числе в деятельности (вместе с Ф. И. Щербацким, А. Рудневым и Талько-Гринцевичем) Комитета по надзору за учреждением петроградского бурятского лазарета для раненых и больных солдат № 245⁵, действующего с 1915 г.

После революции 1917 г. положение ученых и их бурятских друзей немного изменилось. Владислав Котвич продолжал работать в реорганизованном университете, а с осени 1920 г. он возглавил Петроградский институт восточных языков, где продолжил преподавать монгольский язык, а также другие дисциплины по монголоведению. Он больше не работал в министерстве финансов, с 1918 г. он был доцентом, занимал научную должность и, очевидно, пользовался доверием новых властей, которые дали ему руководящую должность.

Он по-прежнему проявлял живой интерес к судьбе бурят, о чем также свидетельствуют сохранившиеся в Архиве науки в Кракове материалы о создании Автономной Республики Бурят-Монголия и небольшие фрагменты прессы⁶. В 1922 г. Бурятский комитет по вопросам бурятской культуры обратился к Владиславу Котвичу, ректору Института живых восточных языков, с просьбой о помощи, особенно по вопросам создания учебников и книгопечатания⁷.

¹ Он цитируется Агваном Дорджеевым в его автобиографии на монгольском языке, см.: Цендин А. Д. (изд.) Занимательные заметки, 2003, оригинал текста ff. 10a-10b.

² Члены комитета: В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, князь Е. Е. Ухтомский, В. Котвич, А. Д. Руднев, Ф. И. Щербацкой, врач тибетско-монгольской медицины П. Бадмаев, П. Козлов, Д. Клеменц, калмыцкие князья Дугаровы, Тюмени, отец и сын Тундутовы, архитектор Г. Б. Барановский, инженер Н. М. Березовский, художники Н. К. Рерих и В. Шнайдер.

³ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, №, j.a. 241. См. [13].

⁴ Там же, фотографии № 14626, 14633, 14634.

⁵ Там же, № 160.

⁶ Проект Бурятской Автономии. Архив Науки ПАН и ПАУ, Фонд В. Л. Котвича, К III-19, № 160. Газетные вырезки о бурятах, в том числе «К вопросу об образовании Автономной Бурятской Республики», № 67.

⁷ Фонд В. Л. Котвича, К III-19, №. 160.

Наступали трудные времена. Некоторые из знакомых и сотрудников Котвича погибли во время Первой мировой войны или после революции; счастливые времена частых встреч Владислава Котвича с бурятским ламой Агваном Доржиевым и калмыцким адвокатом и фольклористом Номто Очировым в доме калмыцкого князя Тундутова сохранились только в памяти их близких¹. Номто Очирова арестовывали несколько раз. Князь полковник Данзан Тундутов был арестован и казнен в 1923 г. Опасность также зависла над Агваном Доржиевым, который был внезапно арестован² по возвращении из Калмыкии [13, с. 49]. Из автобиографии мы знаем, что он подкупил охранника и отправил сообщение о своем положении Владиславу Котвичу. Последний, в свою очередь, активизировал окружение друзей-востоковедов, во главе которых стояли Ольденбург, Щербацкой и Владимирцов, и на этот раз им удалось убедить власти в невинности Агвана Доржиева, прежде всего в его недостаточном участии во внутриполитической деятельности и в решении исключительно тибетских вопросов и буддийских учений.

Владислав Котвич, несмотря на растущий научный авторитет в Советской России — в 1923 г. он получил звание профессора, а в 1924 г. избран корреспондентом Академии наук СССР, — решил репатриироваться в Польшу, где он занял кафедру Дальнего Востока в Университете Яна Казимира во Львове. В Польше бурятская среда была немногочисленной. Владислав Котвич, вероятно, имел контакты с врачом Владимиром Бадмаевым, хотя нет никаких документов о том, насколько близки были их контакты³.

Из-за отдаленности и политической ситуации контакты Владислава Котвича с бурятами в Советской России ослабли. Его бывшие студенты и знакомые выполняли важные функции в бурятской и советской власти, особенно в области науки: Барадин, первый председатель Бурятского монгольского научного комитета, работал в Институте востоковедения Российской академии наук в Ленинграде, где также работал Цыбен Жамцарано. Агван Доржиев занимался реформацией буддизма, чтобы позволить этой религии выжить в СССР. К сожалению, сталинские чистки ударили их со всей силой: в 1937 г. Агвана Дорджеева и Цыбена Жамцарано обвинили в управлении международным заговором, а их друзей, таких как Барадин, — в участии в этой деятельности. Они были приговорены к высшей мере наказания или умерли в 1937–1938 гг.; Жамцарано умер в заключении в 1942 г. Точно так же, несмотря на участие в коммунистическом движении как в Бурятии, так и в Монголии, Ринчино обвинили в панмонголизме в 1938 г. Можно предположить, что новости о трагической судьбе его бурятских друзей явились сильным ударом для профессора Котвича. Вскоре разразилась Вторая мировая война, и его собственное положение стало сложным. Однако он избежал рас-

¹ А также в памяти других современников, которые дожили до настоящего времени. О тесных контактах Номто Очирова, Агвана Доржиева и Владислава Котвича рассказала мне племянница Н. Очирова Нина Санджариковна Уланова 2 декабря 2018 г.

² В автобиографии дата ареста не указана [14, с. 80].

³ В записной книжке В. Котвича записан адрес доктора Владимира Бадмаева в Варшаве. Фонд В. Л. Котвича. К III-19. № 234.

правы с польскими профессорами во Львове в июле 1941 г. и оказался в своем имени в Черном Бору на оккупированной Литвой территории. Он умер в 1944 г.

Подводя итог, можно констатировать, что, несмотря скудность бурятской тематики в интеллектуальном наследии профессора, бурятские связи сопровождают всю его деятельность — научную, социальную и чисто человеческую. Называемый некоторыми поляками (Талько-Гринцевич) одиночкой, Котвич, очевидно, хорошо ладил с монголами, особенно с бурятскими друзьями. Цыбен Жамцарано, Агван Доржиев или Базар Барадин принадлежали к группе его близких соратников и корреспондентов.

Литература

1. Bibliografia Władysława Kotwicza / ред. М. Kotwiczówna. Rocznik Orientalistyczny 1953. Т. 16. С. XXXI.
2. Полянская О. Н. Сотрудничество В. Л. Котвича и Ц. Ж. Жамцарано в изучении монгольских народов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 25, № 3. С. 140–147.
3. Полянская О. Н. Научное монголоведение в России на рубеже XIX–XX вв. В. Л. Котвич (1872–1944) // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX в. 2016. Кн. 7, ч. 1. С. 267–278.
4. Агван Доржиев. Занимательные заметки вокруг света (автобиография) / пер. и ред. А. Д. Цендина. М.: Восточная литература, РАН, 2003. Оригинал к. 15а33.
5. Dugarova-Montgomery Y.-Kh., Montgomery R. The Buriat Alphabet of Agvan Dorzhiev // Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan / ed. Stephen Kotkin and Bruce A. Elleman, Armonck. New York: Sharpe, 1999. P. 79–98;
6. Stanisław Godziński. Pisma używane przez Mongołów dawniej i współcześnie // Przegląd Orientalistyczny. 1971. 2(78). С. 141–152.
7. Ėndonzhamṭṣyn Zhanchiv and Gonchigiin Gantogtokh (Sharaid). Vagindra usgiin dursga-luud [Monuments in Vagindra script]. Corpus scriptorum VIII. Ulaanbaatar: Udam Soël, 2010.
8. Otgonbayar Chuluunbaatar. *Einführung in die mongolischen Schriften*, Einführungen in fremde Schriften, Buske. Hamburg, 2008. S. 55.
9. Кара Д. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. С. 167. Цит. по: Dugarova-Montgomery Y.-Kh., Montgomery R., 1999. С. 84.
10. Калмыцкий букварь / сост. Л. Нармаев и Н. Очиров при участии Вл. Котвича. Пг.: Типо-лит. Б. Авидона, 1915.
11. Тумунов Ж. Т., Очиров Б.-Д. Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=3725> (дата обращения: 10.04.2019); Андреев В. Очиров Бато-Далай (деятели) [Электронный ресурс]. URL: <http://soyol.ru/personas/figures/708> (дата обращения: 10.04.2019).
12. Новый монголо-бурятский алфавит / сост. Н. Амагаев и Аламжи Мэргэн. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1910.
13. Bareja-Starzyńska A. Dalai Lama's Representative Agvan Dorjiev and Altaist Professor Władysław Kotwicz: letters of 1912 // *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling / Roberto Vitali* (ed.), Amnye Machen Institute. Dharamsala, 2014, С. 47–62.
14. Андреев А. Храм Будды в Северной столице. СПб.: Нартанг, 2012. С. 80.
15. Полянская О. Н. Professor Władysław L. Kotwicz and the Russian Committee of Central and East Asia Research = Профессор Владислав Котвич и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Rocznik Orientalistyczny. 2014. Т. LXVII, zeszyt 1. С. 196–202.